

ТВОРЧЕСКИЙ ДУХ ЯЗЫКА СООБЩЕНИЕ 3. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ КУЛЬТУРЫ

Язык рассматривается как чистая поэзия, чистое творчество. Акцентируется важнейшая из творческих способностей Языка – способность именования. Именуя, Язык вводит Мир в аксиологическое измерение, творит Культуру как символический универсум. Философия языка выступает в качестве основы философии культуры.

Ключевые слова: язык; культура; символ; имя; смысл; значение; ценность.

Всё быстротечное – Символ, сравнение.

Цель бесконечная здесь в достижение.

Здесь – заповеданность Истины всей.

Вечная Женственность тянет нас к ней.

И.В. Гёте. Фауст [1. Т. 2. С. 628]

...Бытие, могущее быть понятым, есть язык... универсальное наблюдение Гёте: *всё есть символ...* заключает в себе наиболее всеобъемлющую формулировку герменевтической мысли. Гётевское «всё» говорит о любом и каждом сущем не *что оно есть*, а *как оно предстаёт человеческому пониманию*.

Г.-Г. Гадамер. Эстетика и герменевтика [2. С. 264–265]

Язык именует всё сущее, даруя ему словом бытие, утверждая его творческим «Да будет!», и, главное, выявляет тем самым все вещи в том, что они суть, в истинном их свете; нарекая именем – прорекает Истину. Именованием Языка сущее впервые словополагается в то, что оно есть – в свою истинность, в свою сущность, в абсолют, предстаёт благодаря его *благословению* не просто в реальном, но в подлинном виде. Именование – древнейший изначальный творческий акт Всеединства, сокровенной связи Бога, Мира, Человека, заложено в истоке создания Культуры, Жизненного Мира Человечества. Именование включает всю целостность человеческого постижения Мира: познание, понимание, осмысление, оценивание (в смысле наделения всего значением, ценностью, смыслом), творчество. Наиболее глубокого понимания *именования* в истории философии культуры и наиболее точного выражения его смысла достигла русская философия имени (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев).

«Слово *космично* в своём естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть... микрокосм, ибо в нём и через него звучит мир, потому слово антропокосмично или, скажем точнее, *антропологично*. И эта антропологическая сила слова и есть реальная основа языка и языков. Наречия различны и множественны, но язык один, слово едино, и его говорит мир, но не человек, говорит мирочеловек... В этом смысле понятен рассказ книги Бытия о том, как Бог привёл к Адаму всех животных, чтобы видеть, “как он назовёт их” (Быт., II, 19), то есть, иначе можно сказать, как они сами назовут себя через него и в нём, ибо он как человек, как микрокосм, бытийно всех их имел в себе как носитель Божественного Логоса, как образ Божий, он имел в себе силу идеации мира, в нём рождалось мировое слово... Язык творится нами, он есть наше художественное произведение, но вместе с тем он нам дан, мы его имеем как некоторую *изначальную одарённость*. И то, что мы имеем, мы не творим, но из него творим. И об этих перво-

словах мы и утверждаем, что они сами себя сказали. И они суть живые, словесные мифы о космосе, в них закрепляются космические события, мир нечто говорит о себе, и изначальное словотворчество есть космическое мифотворчество, повесть мира о себе самом, космическая радуга смыслов, *словесная символика*» (курсив здесь и далее мой. – О.П.) [3. С. 35, 47].

С такой точки зрения философия языка может рассматриваться в качестве основы всей философии культуры в целом.

Поэты в наибольшей степени выражают творческую, *поэтическую* сущность Человека как такового, подлинно человеческий способ бытия-в-Мире, Dasein. Человек, «носитель Божественного Логоса», наделённый даром слова, языковой способностью, по природе своей поэт, призванный к «поэтическому жительствованию», творческому самовыражению – созданию Культуры. Язык, чистейшая поэзия, невиннейшее из творений – сотворение и свершение, *совершенствование* Мира. О ком бы из поэтов ни говорил М. Хайдеггер – о Гёльдерлине, Новалисе, С. Георге, Г. Тракле, Р.-М. Рильке, близких ему и *воплощающих* с его точки зрения существенное самой сущности Поэзии (значит, самого Языка в его сути), он говорит о «вестниках богов», интуитивно чувствующих божественное присутствие в слове, божественную полноту Языка. Он говорит об избранных «небожителях земли» – тех, кто «поэтически жительствоует на этой земле», т.е. пребывает в непосредственной близости к богам и причастен сокровенной сути вещей, тех хранителей «дома Бытия», берегущих предание небесных орфических глаголов. Они способны уловить след временами ускользающего Слова и всегда – в ожидании благословения, «благой вести», возвращения богов, ведь боги не покидают Мир, просто иногда отдаляются [4. С. 81–83].

Именование, т.е. утверждение бытия словом и в слове – их призвание. С каждым наивным, чистым словом поэтов в Мир приходит священное, божественное, вечное, прекрасное, доброе, подлинное. Иначе говоря,

устах «невинных младенцев» глаголет Истина. Поэты именуют богов, и вся поэзия как таковая – именование богов. Помнится, и Сократ у Платона в «Кратиле», пытаясь постичь сущность Языка, рассуждал именно об именовании богов. Именованье богов – что это значит? Речь здесь идёт о Языке как о таком изначальном *очеловечивании* сущего, когда человек, конечное существо, сознавая свою бесконечную, богоподобную сущность, постигая свою возвышенную, абсолютную, подлинную природу, обретает в Языке божественное откровение о себе и Море. Древние представляли богов реальным воплощением любви, потому что сами глубоко любили Мир, придавали богам такие качества, как мудрость, справедливость, доброта, смелость, потому что считали их высшими человеческими достоинствами. Подлинная сущность Человека, *истинно человеческое* в Человеке и есть его Бог. Язык – поэтическая мудрость Жизни, в его памяти хранятся сокровенные имена самих сущностей вещей, он сам посредством поэтов способен именовать богов, очеловечивая Мир.

«Язык впервые даёт имя сущему, и благодаря такому именованию впервые изводит сущее в слово и явление. Такое именование, означая сущее, впервые назначает его к бытию из его бытия. Такое именование есть набрасывание светлоты... Набрасывающее глаголение есть поэзия: глагол мира и глагол земли, сказание о просторах их спора и тем самым сказание о *местопребывании богов* в их близи и в их дали. Поэзия есть глагол несокрытости сущего. И соответственно каждый язык есть совершение такого глаголения, в котором перед всяким народом, в исторически-совершающемся, восходит, распускаясь-расцветая, его мир... Набрасывающее сказывание таково, что, приуготовляя *изречённое*, оно приносит в мир и всё неизречённое как таковое. В таком сказывании всякому народу, в исторически-совершающемся, предзапечатлены понятия о его сущности, то есть о его принадлежности мировому свершению – всемирной истории» [5. С. 208–209].

Язык символичен по природе своей, символичен в каждом миге своего проявления – в каждом звуке, слове, жесте; и символичность слова – не внешняя характеристика, но изначальное присущее ему состояние. Любое слово Языка – символ, ибо природа его двуединая: оно одновременно пребывает в земном материальном мире и устремлено в таинственные горние выси, соприродно небесному, божественному. Именуя «богов» и очеловечивая сущее, Язык означает, символизирует всё вокруг, т.е. придаёт всему ценность, наделяет значением, вносит смысл – вводит Мир в аксиологическое измерение.

Бытие Культуры – бытие символов, смыслов, значений, ценностей. Символ – не просто знак. Символ – откровение исконной религиозности Языка, т.е. кровной связи (*re-ligio* – связывать), со-бытийности Языка и Мира, единственности слова, мысли, эстетического переживания. Согласно древней этимологии, «символ» (гр. *symbolon*, происходящее от глагольного ряда *sumballo* – соединять, связывать, сопрягать, сличать) несёт первоначальный смысл полноты охвата Бытия, удержания ускользающей всемирной целостности, таит возможность припоминания глубинной истины, «естины» Бытия, ἀλήθεια и мгновенного проявления сокровенного

порядка вещей. Символ – точка теснейшего контакта, диалога (*dia-logos* – со-общение *через слово*) двух миров: земного и небесного, материального и идеально-духовного, профанного и сакрального, явленного и сокровенного, преходящего и вечного, дольного и горнего; бережный хранитель их связи. Здесь вспоминается хайдеггеровское высказывание о Языке как о «просветляюще-утаивающем явлении бытия». Благодаря вспышке символа на миг предстаёт Божественный Лик Творца, незримый, но всегда скрыто присутствующий в Море, и обнаруживается непостижимая по скромным человеческим меркам мудрость неочевидной, но изначальной присущей Миру гармонии, проясняется особая логика – логика Жизни. Скрытый мир становится явью, но «покрывало майи» при этом не срывается, истинность не утрачивается за правильностью, глубина и таинственность не нарушаются – сохраняется аура сокровенности.

Завершающая «Фауста» мысль Гёте о тайной соотнесённости и взаимосвязи всех мировых событий, о Живом Всеединстве Мира, существенное свойство которого – не явленность поверхностному представлению в форме ясности, точности, определённости, но таинственная неведомая глубина («Всё быстротечное – символ, сравненье. Цель бесконечная здесь в достижение. Здесь – заповеданность Истины всей...»), была подхвачена неокантианским течением. Однако толкование символа западноевропейским и русским неокантианством имеет существенные отличия: символ увиден в разных ипостасях и понят в разных проявлениях своей многогранной природы. Западные европейские мыслители сосредоточены на рассмотрении человеческой способности *означивания*, совокупности выражения ценностных человеческих отношений к Миру и описанию Языка Культуры, включающего в себя семиотические системы поэзии, философии, религии, эстетики, истории, музыки (философия символических форм Э. Кассирера). Русские неокантианцы предложили более широкое понимание языковой символики, выражающей *иное* реальности, того, что явлено и очевидно. В основе их понимания лежит особая онтология символа – постижение символичности всего Мира как Божественного творения, проявления в нём Божьей Премудрости, Софии, интуиция связи Божьего Промысла с человеческой жизнью и тяготение к ускользающей целостности и полноте охвата Бытия (символизм А. Белого, представленный им в качестве мировоззренческой концепции, *миропонимания*).

«Языковая символика открывает новый этап душевно-духовной жизни. Вместо примитивно-инстинктивной жизни... приходит “жизнь в значениях”... Чем дальше развивается культура, тем больше и более многосторонне оформляется этот мир значений. Мы живём в словах языка, в образах поэзии и изобразительного искусства, в формах музыки, в области религиозного представления и религиозной веры. И только здесь мы знаем друг друга» [6. С. 21, 83].

«Язык – наиболее могущественное орудие творчества. Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование... Образная речь состоит из слов, выражающих *логически невыразимое* впечатление моё от окружающих предметов. Живая речь есть всегда

музыка невыразимого... живое, изречённое слово – выражение сокровенной сущности моей природы... Слово создаёт новый, “третий” мир – мир звуковых символов... мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове, только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я – слово и только слово.

<...> Не событиями захвачено существо человека, а символами иного... Воссоздавая полноту жизни или полноту смерти, художник создаёт символ... К тому, что было прежде времён, к тому, что будет, обращён символ... Символ пробуждает музыку души. Когда мир придёт в нашу душу, всегда она зазвучит. Когда душа станет миром, она будет вне мира» [7. С. 131, 246, 257].

Язык являет *Gestalt* Вселенной. Язык – скрепление времён и судеб, предание и пророчество, хранитель мудрости глубокой старины, память минувшего и предсказание будущего, всеохватность течения истории человеческого рода и утверждение её сверхисторического смысла. Язык *временится* как само Бытие, если исходить из гераклитовой версии онтологии, предполагающей понимание Бытия как Жизни, означающей универсальную всеобъемлющую взаимосвязь всего и вся – Живое Всеединство Вселенной. Соответственно, ему присущи текучесть, динамичность, нестабильность, но одновременно способность превосходить все эмпирические измерения времени; он – надвременная реальность. Гераклит и Парменид здесь сходятся. Язык, единство движения и покоя, наделён способностью «остановить мгновение» и извлечь вечное из безнадёжно ускользающего, преходящего, текучего, изменчивого. Язык устанавливает смысловые вертикали и уходит в неведомую глубину, проникая в самую суть вещей, сопрягая Всеобщее с индивидуально-неповторимым, уникальным, особенным, Единое с единичным, Абсолютное с относительным, Вечное с временным, Всемирное с человеческим. Язык сам называется *Da-Sein*, обителью Бытия, местом его раскрытия.

Н.А. Бердяев, как известно, различал три времени: космическое, подобное кругу, историческое, подобное целенаправленной прямой линии, и экзистенциальное, сходное с точкой, где одномоментно совпадают Прошлое, Настоящее и Будущее, являя мгновенный образ Вечности. Символ фиксирует это экзистенциальное время, это присутствие Вечности в каждом языковом мгновении. Символ – точка максимального творческого напряжения Языка между временем и Вечностью, сгусток языковой энергии, его основное предназначение «реально являть мир сверхбытия на уровне бытия» [8. Т. 1. С. 193], схватывать надвременной и сверхрациональный смысл Жизни. Символ выражает стремление Языка к постижению непостижимого, несказуемого и проявлению его в слове – выражению *невыразимого*. Гадамер говорил о *возвышенных текстах*, наследующих традицию древних священных книг человечества; *возвышенных* в смысле их поэтичности как высшей формы существования языка, особой целостности их природы – текстуры, сплошь сотканной языковой символикой [9. С. 276–279]. Такой символической вселенной является тетралогия Т. Манна «Иосиф и его братья», созданная языком великой культуры, – твор-

ческая интерпретация сакрального библейского текста, грандиозное выражение в Слове смысла истории человечества и сплетения человеческих судеб в полноте времён и масштабе Вечности.

«Denn das Wesen des Lebens ist Gegenwart, und nur mythischer Weise stellt sein Geheimnis sich den Zeitformen der Vergangenheit und der Zukunft dar... Das Erlebnis bestand weniger darin, daß etwas Vergangenes sich wiederholte, als darin, daß es gegenwärtig wurde. Daß es aber Gegenwart gewinnen konnte, beruhte darauf, daß die Umstände, die es herbeigeführt hatten, jederzeit gegenwärtig waren... *Jederzeit, das ist das Wort des Geheimnisses*. Das Geheimnis hat keine Zeit; aber die Form der Zeitlosigkeit ist das Jetzt und Hier... Was uns beschäftigt, ist nicht die bezifferbare Zeit. Es ist vielmehr ihre Aufhebung im Geheimnis der Vertauschung von *Überlieferung und Prophezeiung*, welche dem Worte “Einst” seinen Doppelsinn von Vergangenheit und Zukunft und damit seine Ladung potentieller Gegenwart verleiht... Jede Weihnacht wieder wird das welterrettende Wiegenkind zur Erde geboren, das bestimmt ist, zu leiden, zu sterben und aufzufahren» [10. Т. 1. С. 28–30, 51].

«...Суть жизни – настоящее, и только в мифическом преломлении тайна её предстаёт в прошедшем и будущем временах. Главное было не в том, что какое-то событие прошлого повторилось, а в том, что оно произошло *вот сейчас*. А произойти сейчас оно могло потому, что события, которые его вызвали, были налицо во всякое время... *Во всякое время* – таков девиз (*слово*) этой тайны. У тайны этой нет времени; но форма вневременности – это *Вот Сейчас* и *Вот Здесь*... Нас занимают не числовые выражения времени, а то уничтожение времени в тайне взаимозаменяемости *предания и пророчества*, которое придаёт слову “*некогда*” двойное значение прошлого и будущего, и тем самым заряжает это слово потенцией настоящего... Каждое рождество заново родится на свет младенец-спаситель, которому суждено страдать, умереть и воскреснуть» [11. Т. 1. С. 45–47, 62].

Язык являет собой сферу смыслопорождения, создаёт смысловую целостность Культуры, обладая способностью выражения многообразия Мира и бесконечного означивания множественности его уникальных явлений. Тот же Гадамер, как, впрочем, и многие другие мыслители, указывал, что глубинное основание Языка, его существо, его образную природу (φύσις) образует именно эта способность слов быть *неоднозначными*, располагать множеством смысловых оттенков, «гибким веером значений», «неисчерпаемым многоголосьем смыслов» [2. С. 58, 142]. Если классическая философия сознания представила работу чистой мысли, то философия языка – работу с мыслью или «работу с-мыслов». Прежде чем стать чистой мыслью и «мыслью изречённой», мысль пребывала в живой языковой и до-языковой стихии, где-то в глубинах памяти, на граничной сознания и бессознательного, не поддаваясь отчётливому словесному выражению.

Единственный способ вербально обнаружить живую мысль: слову стать символом – воплощением *энергии* такой мысли, ещё свободной от строгих застывших логических форм. Символ – эквивалент смысложизненной полноты Универсума, проявление многознач-

ности слова, его бесконечной смысловой перспективы, здесь Язык в каждой точке, в каждом мгновении воспринимает и сохраняет живую динамику Бытия. Отсылая в *глубь* эстетического опыта мышления, к *поэзии мысли* (мыслить = поэтизировать – М. Хайдеггер), символ обнаруживает глубинные основания логики, ещё не лишённой творческого импульса Логоса, который есть λόγος ζυνός. Это логос растущий и живой, «самовозрастающий логос», возникающий de profundis, из глубин синтетической мифопоэтической архаики, исходной синестезии – творческого целомудрия, базирующегося на гармонии взаимодействия рациональной мысли со всей эстетической полнотой интуитивных ощущений. λόγος ζυνός от корней питает логику, благодаря этому сохраняющую жизненность и динамичность и обеспечивающую непрерывное восполнение знания о Мире. Именно такой логике – логике Жизни, логике Всеединства истинно (по истине – «естине») приобщён Язык, только этой логике он естественно и следует, не подчиняясь строгой логике чистой мысли, предложенной классической трансцендентальной философией. Ж.-П. Сартр оставил пронизательные замечания о *поэтическом образе действия* («l'attitude poétique») творца, слово которого неисчерпаемо, содержит в себе весь универсум Вселенной и Языка, бездну смысла:

«...поэтическое слово – это *микрокосм*... И когда поэт соединяет вместе несколько таких микрокосмов, с ним происходит то же, что с художником, когда тот сочетает краски на полотне: можно подумать, что он составляет фразу, но это только кажется, на самом деле он создаёт объект. Слова-вещи группируются посредством магических ассоциаций соответствия и несоответствия, как цвета и звуки, они взаимоприятны и отталкиваются, как цвета и звуки, они самосжигаются, и их объединение составляет *истинное поэтическое единство*, которое есть фраза-объект. Ещё чаще поэт сперва создаёт в уме схему фразы, а слова приходят потом. Но эта схема не имеет ничего общего с тем, что обычно именуется словесной схемой: она не определяет конструкцию значения, а скорее приближается к творческому замыслу, посредством которого Пикассо предвосхищает в пространстве, ещё не притронувшись к кисти, очертания той вещи, которая станет клоуном или Арлекином» [12. С. 24–26].

И здесь ничего не приходится различать, всё сливается в единое творчество, универсальный творческий процесс – Всеединный Язык Культуры. Предвечное Совершенное Слово, Логос Творца, Слово-«Макрокосм», первоисток Вселенной Языка, архетип любого поэтического слова, слова-микрокосма, слова-символа – едино и целостно, но входит в Мир и Культуру многоликим; различные облики, отблески, отзвуки Его находят выражение в звуках, знаках, образах, красках, жестах. Храня память и тоскуя о Божественном Логосе, поэт А. Рембо мечтал о всеобъемлющем Языке, идущем от сердца к сердцу и вбирающем в себя всё: запахи, звуки, цвета, игру света и тени, все мимолётные изменения Лица Природы, все экзистенциальные человеческие переживания, все эстетические впечатления, все эмоциональные оттенки, все нюансы настроения [13]. Художник В. Кандинский, глубоко чувствовавший сродство всех видов искусства, был наделён даром

замечать все мимолётные проявления цвета, воспринимать не только зрительные качества цветов, но и то, как они звучат и ощущаются. Предпринимая попытки проникновения в символику созвучия цвето-звуко-форм, он в своих трудах по философии искусства значительное внимание уделял постижению *художественного языка*, который ему представлялся всеохватывающим творческим синтезом, обладающим максимальной силой выразительности, превосходящим границы искусства и уводящим художника в область единства человеческого творческого начала с Божественным [14].

Язык сам как таковой является φύσις в значении полноты жизни, житетворческого порождающего начала. Язык устроен так, что в нём живут, и Жизненный Мир Языка, его жизнь, его деятельность, его энергия обеспечиваются постоянной изменчивостью, движением смыслов, непрерывной смысловой динамикой, любое слово вызывает к жизни и предвосхищает всё новые и новые смыслы, при этом Мир каждый раз творится вновь. Будучи по природе поэзией, набрасыванием нового, наречением, Язык всегда осуществляет (непроизвольно вспоминает? повторяет?) древнейший акт первотворения – сотворения Мира и, соответственно, Жизненного Мира Человечества, Культуры. Культура пребывает в живой творческой стихии Языка, и сотворение Культуры Словом в соответствии с «логикой смысла» [16] есть придание значимости, ценности и смысла каждому жизненному мигу, постоянное расширение области смыслов, многообразие которых и даёт развитие Культуры. Именно эту Символическую Вселенную смысла и творит Язык, создавая духовно-идеальный мир – трансцендентальную реальность Культуры. Символ, источник бесконечности смыслов, близок в происхождении гётевскому *Urphänomen*, живому «корню», единому абсолютному истоку Божественной Красоты и Любви, питающему собою всё Бытие, истоку выражения *Всеединства* в многообразии, воплощения *Всеобщего* в индивидуально-неповторимом, уникальном, особенном; проявление *Единого* в единичном, *Абсолютного* во временном. На наличие в Языке творческой энергии и сочетание в нём реального и воображаемого, осуществлённого и потенциального, выраженного и невыраженного всегда указывали ведущие герменевты:

«...язык неизбежно отсылает за пределы самого себя, указывая на границы языковой формы выражения. Язык не тождествен тому, что на нём сказано, не совпадает с тем, что обрело в нём слово. Раскрывающийся здесь *герменевтический горизонт языка* делает явными границы объективизации мыслимого и сообщаемого. Языковая форма выражения... как бы удачна ни была, никогда не поспевает за тем, что пробуждается ею к жизни. Ибо глубоко внутри речи присутствует *скрытый смысл*, могущий проявиться лишь как глубинная основа смысла и тут же ускользающий...» [2. С. 65].

«...дух языка... включает в себя не только его красоту и субъективную одухотворённость, но и *открытость* иным мирам. Поэзия и мифология – это не просто *ностальгия* по какому-то забытому миру, это прорыв к не существовавшим ранее мирам, *открытость* другим возможным мирам, выходящим за установленные границы нашего реального мира... Поэтому необ-

ходимо ввести третье измерение языка – критическое и творческое, не направленное ни на научную оценку, ни на обычное человеческое общение. Я назвал бы это третье измерение *поэтическим*... Именно этот *горизонт возможности* определяет *универсальность* символического и поэтического языка» [16. С. 254].

Ностальгия по Единому Совершенному Слову, Логосу порождает веру в безграничные творческие воз-

можности Языка, его способность к преобразению Мира, донесению Истины и откровению Мудрости, *a priori* заложенной в его памяти, бесконечный процесс его собственного творческого развития и совершенствования. Всё это даёт надежду на возвращение человечеству Всеединого Языка, Языка Истины, Добра, Красоты, Любви и обретение на его основе Языка Всемирной Культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте И.В. Фауст // Гёте И.В. Избранные произведения : в 2 т. / сост. И. Солодунина, коммент. А.А. Аникст, Н.В. Вильмонт ; пер. с нем. Б.Л. Пастернака. М. : Правда, 1985.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / отв. ред. В.С. Малахов. М. : Искусство, 1991.
3. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб. : Наука, 2008.
4. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / пер. с нем. Г.Б. Ноткина. СПб. : Академический проект, 2003.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова. М. : Академический проект, 2008.
6. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / сост. С.Я. Левит. М. : Гардарика, 1998.
7. Белый А. Символизм как миропонимание / сост. Л.А. Сугай. М. : Республика, 1994.
8. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992.
9. Гадамер Г.-Г. Текст и содержание // Керни Р. Диалоги о Европе / пер. с англ. В.Л. Алёшиной, О.И. Кондратьевой; науч. ред. М.М. Фёдорова. М. : Весь мир, 2002.
10. Mann T. Joseph und seine Brüder. Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 1983. Bd. 1–4.
11. Манн Т. Иосиф и его братья : в 2 т. / пер. с нем. С. Апта. М. : Правда, 1991.
12. Сартр Ж.-П. Ситуации / сост. С. Великовский. М. : Ладомир, 1998.
13. Рембо А. Стихотворения / сост. М. Яснов. М. : Текст, 2005.
14. Кандинский В.В. Ступени. Текст художника // Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства : в 2 т. М. : Гилея, 2001.
15. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М. : Академический проект, 2011. 472 с.
16. Рикёр П. Творческие возможности языка // Керни Р. Диалоги о Европе / пер. с англ. В.Л. Алёшиной, О.И. Кондратьевой; науч. ред. М.М. Фёдорова. М. : Весь мир, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 21 апреля 2013 г.